

*Шимко А. С.,
аспирантка философского факультета
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова*

О ДВУХ НАЧАЛАХ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ВЕРСИИ П. АДО И Ф.НИЦШЕ

Аннотация. Статья представляет собой попытку осмысления концепции природы, представленной в творчестве Пьера Адо. Основное внимание уделено способу раскрытия П. Адо сущности двух основных начал в европейской культуре — «прометеевского» и «орфеевского». Данные начала противостоят у Адо как научно-техническое и созерцательно-эстетическое понимание природы. Для раскрытия особенностей разрешения данной проблемы Пьером Адо концепция французского мыслителя сопоставляется с ницшеанской концепцией о «дионисийском» и «аполлоническом» началах в античной культуре. Сравнение концепций Ф. Ницше и П. Адо исходит из единого представления о противостоянии в культуре эстетического и рационального начал и доминировании в последующей европейской культуре именно рационалистической традиции. Оба мыслителя считают такой подход противоположным самой сущности природы. Но, в то же время, принципиальным моментом, в котором Ницше и Адо расходятся, является общая оценка человеческого разума. Ницше — радикально негативно настроен к традиционно понимаемой разумности, в то время как Пьер Адо именно созерцательную рациональность считает одной из адекватных форм человеческого отношения к природе.

Ключевые слова: Пьер Адо, Фридрих Ницше, природа, человек, «орфеевское», «прометеевское», «дионисийское», «аполлоническое», «духовные упражнения».

Актуальность. Пьер Адо (1922 — 2010) — известный французский филолог и философ, переводчик и глубокий комментатор античной философии. Творчество Пьера Адо было устремлено к исследованию античной культуры и ее проблем. Неординарность в переосмыслении идей древнегреческой и древнеримской философии Пьером Адо способствовали влиянию его идей на ряд мыслителей XX века, в частности на М. Фуко.

Необходимость обращения к идеям Пьера Адо, более глубокому их осмыслению связана с тем, что в своем творчестве мыслитель пытался показать глубокую связь философии с проблемой

самого человека, его духовности. Именно поэтому Адо считал занятия философией «духовными упражнениями». Актуальность идей французского философа связана кризисными явлениями в современной европейской культуре. Последний аспект во многом обусловлен новоевропейской мировоззренческой установкой на подчинение *природы человеку*.

Данная статья представляет собой попытку осмысления концепции природы, представленной в работе Пьера Адо «Покрывало Исиды: Эссе по истории идеи Природы», которая вышла в 2004 году во Франции и посвящена пониманию природы и отношению к ней человека от Античности до современности. На постсоветском пространстве книга была впервые издана в 2016 году и получила перевод на украинский.

Цель и задачи исследования. Цель данной публикации состоит в том, чтобы выявить основные положения концепции природы Пьера Адо в контексте его обращения к европейской философской традиции. В связи с этим возникают следующие задачи: 1) раскрыть смысл «прометеевского» и «орфеевского» понимания природы у П. Адо; 2) провести сравнительный анализ понимания основных движущих начал европейской культуры у П.Адо и Ф.Ницше; 3) выявить особенности концепции природы П. Адо.

Основные результаты исследования. Свои размышления П. Адо начинает с анализа высказывания античного мыслителя Гераклита Эфесского: «*phusis kruptesthai philei*», которое часто переводят как «природа любит прятаться». Таким образом, основной темой размышлений Адо становится именно Природа и ее восприятие в античной и европейской культуре, а также способы отношения к ней. Сам тезис Гераклита французский мыслитель оценивает, как весьма глубокий и неоднозначный, доказательством чему служит попытка П. Адо объяснить всю последующую философию и культуру как раскрытие приведенной мысли античного автора.

Адо пытается проникнуть в смысл изречения Гераклита и анализирует каждое из понятий. Так, *philein* (любить) у греков часто означало не столько чувство, сколько «склонность

к чему-либо», а *phusis* понимается и как «природа» и как «рождение». В итоге, философ приходит к выводу, что понимать данное выражение следует как «*природа (в смысле собственного устройства, собственной силы, бытия вещи) любит прятаться, не быть видимой*». Тем самым формируется тема **сокрытого**, того, что лишь едва приоткрывается.

Но, в то же время, П. Адо замечает, что данное выражение может быть истолковано и в ином контексте. *Phusis* можно понимать именно как «рождение», а *kruptesthai* — как «смерть, исчезновение». В таком случае, выражение Гераклита имеет следующий смысл: «*то, что порождает, стремится уничтожить*». Кроме того, Адо приводит 5 возможных способов понимания изречения Гераклита, но настаивает именно на приведенном выше значении как наиболее правильном и отвечающем диалектическому духу философии этого автора [1, с. 20-21].

Пьер Адо, анализируя понимание природы в Античности, стремится исследовать развитие соответствующих представлений в европейской философии. В частности, указание Гераклита на то, что природа любит прятаться, обретая покрова таинственности и недоступности, находит свое место, например, в философии М. Хайдеггера, который указывает, что слово «истина» и «бытие» находятся в одном семантическом поле, а само понятие «истина» — греческое «*алетейя*» — означает не что иное как «*не-сокрытость*», то есть, открытие того, что было сокрыто, утаено.

Пьер Адо также принимает отождествления *природы* и *истины* и настаивает на античном понимании истины не просто как соответствии *мысли о вещи* и *самой вещи*, а как соответствии самой природе. Именно познание природы, открытие истины П. Адо и называет метафорично «снятием покрывала Изиды». Таким образом, если *истина* и *природа* совпадают, то стремление к истине есть ничем иным как стремлением к природе.

Здесь следует заметить, что познание истины у греков рассматривалось не только, как цель сама по себе, но и в контексте сопричастности человека истине, того влияния, которое истина оказывает на познающего. Иными словами, вопрос состоит в том, как *истина* преобразует человека (или — как *природа* трансформирует человека?). Познающий истину, стремящийся к мудрости, должен понимать данное обстоятельство. Именно поэтому у П. Адо познание истины связано с «духовными упражнениями» субъекта по отношению к самому себе (у М. Фуко более конкретно эта мысль выражена в концепте «заботы о себе»). Таким образом, познание истины, приоткрытие тайн при-

роды, которой сопричастен человек, является не чем иным, как заботой о себе: познание природы необходимо не для властвования над ней, а для ответа на вопрос «как мне быть?».

П. Адо указывает на то, что уже в Античности сформировались два основных подхода в понимании *природы* и отношения к ней. Первая установка (ее становление Адо связывает с философией Сократа) исходит из представления о природе как такой, которая не просто любит прятаться, а вообще трудно доступна для человека, а потому нет никакой необходимости в занятиях физикой — наукой о природе. Вторая установка (по мнению Адо, явно прослеживается уже у Антиоха Аскалонского, который жил во II-I веках до н.э.), связана как раз с убеждением в возможности раскрытия тайн и сущности природы [1, с. 118, 119].

Корень различия приведенных позиций Адо усматривает в способах соотнесения *природы* и *человека*. В первом случае доминирует представление о единстве *человека* и *природы*, отсутствия самого противопоставления субъект-объект, в котором реализуется познание природы. Вторая установка исходит как раз из противопоставления природы и человека, природа представляется чем-то чуждым и даже враждебным человеку, а потому требует познания для дальнейшего умиротворения (подчинения).

Наиболее ярко различие двух способов восприятия природы, по мнению П. Адо, прослеживается в понимании сущности и цели искусства в широком смысле: установка *враждебности* по отношению к природе ведет к возникновению науки и техники; установка на единение с природой ведет к возникновению и развитию искусства, как продолжения самой природы и носит выраженный созерцательный характер.

Таким образом, Пьер Адо выделяет два основных принципиальных подхода к природе в античной (а позже — и в европейской) культуре, которые метафорически определяет, как «*прометеевскую*» и «*орфеевскую*» установки.

«*Прометеевская*» установка в отношении природы состоит в использовании технических процедур для познания природы с целью властвования над ней [1, с. 130]. В античной культуре данная установка имела три основных формы: механика, магия и некоторые элементы экспериментального исследования.

Данную установку Адо критикует, опираясь на историю философии, в частности вспоминает платоновскую традицию, в рамках которой познание природы не являлось чем-то необходимым, да и само познание имело скорее гипотетический характер, нежели требовало полного соответствия знания и бытия. В самой древнегреческой

мифологии существует достаточно предостережений по поводу подобного отношения к природе. В мифах о Прометее (который как раз и дал, согласно мифу, людям огонь и знания о ремеслах) и Икаре явно прослеживается указание на опасность упрямого стремления к овладению тайнами природы, относящихся к сфере божественного [1, с. 181].

Падение человеческих обычаев и нравов якобы закономерно приводит к возникновению и разрастанию человеческих пороков — алчности, эгоизма, чувственных наслаждений, которые невозможно удовлетворить исчерпывающе. Именно в связи с подобной «порчей» человека и связано его стремление властвовать над природой, которое и представляется как способ удовлетворения безграничной человеческой алчности.

С такой точки зрения, то, что сегодня именуют прогрессом, предстает ничем другим, как упадком и деградацией человечества. В постоянной погоне за материальными обретениями, которые может предоставить природа, человек уже не мыслит созерцательно, а лишь непрерывно чего-то желает, что-то планирует и постоянно беспокоится.

В противоположность «промеевской» установке П. Адо указывает на установку «орфеевскую» (идущую якобы от Орфея, древнегреческого мифологического персонажа, который олицетворял силу искусства). Эта установка предстает как «метод, который пытается раскрыть тайны природы без использования инструментов, опираясь на восприятие, используя возможности философского и поэтического дискурса, а также живописи» [1, с. 201].

«Орфеевская» установка по отношению к природе предполагает познание мира как созерцание. Познание есть, скорее «духовное упражнение», нежели стремление к окончательному и исчерпывающему описанию мира. Познание природы приносит удовольствие, поскольку оно представляется игрой, цель которой — отгадывание загадок [1, с. 239].

Таким образом, в общем смысле, в «орфеевском начале» П. Адо усматривает два способа отношения к природе и ее познанию — рациональный (философ) и эстетический (художник) пути, которые являются наиболее оправданными и соответствующими самой природе. Именно названные способы отношения к природе и оправдывает Пьер Адо.

Мысли Адо, представленные в его книге «Покрывало Изиды», во многом сходны с идеями других известных философов, таких как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, чего сам Адо не скрывает, постоянно упоминая имена этих и других мыслителей. Само произведение П. Адо

представляет собой историко-философское исследование, целью которого в частности и является выявление определенных тенденций в процессе развития философского знания.

Совершенно очевидно, что с точки зрения историко-философского исследования работа Пьера Адо «Покрывало Изиды» имеет большую ценность, поскольку развитие и эволюция «промеевского» и «орфеевского» начал прослеживается автором внимательно и скрупулезно со всей необходимой глубиной и проницательностью.

Некоторые авторы в качестве недостатка данного произведения П. Адо считают ее наукообразность и апологию рациональных способов познания мира (оправдание у Адо философско-эстетического восприятия) и одновременное игнорирование таких источников знания, как мистическое прозрение и откровение [2]. Однако, есть основания полагать, что данная критика связана с особой заинтересованностью определенных авторов именно вопросами религиозного осмысления мира.

Таким образом, концепцию П. Адо о существовании в европейской культуре двух мировоззренческих установок, описывающих взаимоотношения человека и природы можно считать вполне оригинальной и заслуживающей внимания. Особенно ценным представляется положение об определенном единстве *рационально-созерцательного* и *созерцательно-эстетического* понимания природы.

Наличие двух, в определенном смысле, противоположных начал в культуре Античности отмечал и Фридрих Ницше. По его мнению, в недрах древнегреческой культуры можно выделить «*аполлоническое*» и «*дионисийское*» начала, восходящие в своей сущности к образам греческих богов Аполлона и Диониса.

Аполлоническое начало — это стремление к гармонии, мере, разумности, красоте и индивидуальности. *Дионисийское* — неудержимое, неразумное, страстное, неумеренное, стремящееся размыть рамки индивидуального. Говоря словами Ницше, аполлоническое — это спокойное созерцание, а дионисийское — опьянение.

В контексте осмысления проблемы понимания природы важен именно тот момент, в котором аполлоническое предстает как основа субъекта, а дионисийское — как его преодоление. Иными словами, аполлоническое, как основанное на разуме, создает противопоставление мыслящего субъекта и объекта-природы, ведь само рациональное познание предполагает наличие субъект-объектных отношений. Напротив, в основе дионисийского лежит безрассудность, забвение индивидуальности и слияние с окружающим миром, природой.

Аполлоническое противостоит *дионисийскому* как разумное — инстинктивному, как рассудительность — жизненному порыву. Дионисийское оказывается гораздо ближе к природе, поскольку природа — и есть сама жизнь, хаотичная и безрассудная, инстинктивная и трагичная. Забвение дионисийского начала оборачивается забвением самой природы, самой жизни и именно в этом Ницше видит упадок человечества, его декаданс. Он говорит о необходимости возрождения *трагедии*, трагического мироощущения и трагического типа человека, для которых главным является ориентация на искусство, а не науку.

Согласно Ницше, именно вознесение аполлонического начала стало основой для возникновения европейской науки, но в то же время и положило начало упадка греческой культуры. В этом смысле одним из первых провозвестников этого упадка немецкий философ считает Сократа, который превознес разум и рациональную диалектику. Именно поэтому Ницше называет Сократа определенным «типом упадка» [4, с. 759].

Культуру же, возникшую вследствие искусственного превознесения аполлонического начала и угнетения дионисийского Ницше, называет «сократической», либо же «александрийской», основывающуюся на разумности и вере в такую же логичность и познаваемость мира, природы. По мнению Ницше, *аполлоническое* и *дионисийское* начала имеют равнозначное важное значение для культуры и только забвение дионисийского приводит к общему упадку [3, с. 168].

Прометей у Ницше оценивается в качестве позитивного героя, который по собственной воле, мужественно приняв все возможные последствия для себя, совершил святотатство перед богами. Он предстает героем активным, который, не взирая на трагичность бытия, решается на поступок, пренебрегая расчетливостью рассудка. Одновременно Ницше обращается и к образу Эдипа, участь которого состоит в принятии жестокого наказания за попытку раскрыть тайны бытия: «тот, кто разрешает загадки природы, — той самой сфинги с ее двоякой натурой, — тот должен попать и самый священный порядок природы, становясь убийцей отца и супругом матери» [3, с. 113].

Ницше считает, что *теоретизирование* — это иллюзия, как и рационализм, как и последующее христианство, как и оптимизм. И только трагическое видение мира и осмысление жизни в художественных формах является более близким к самой сущности мира. Поэтому, «искусство — а не мораль — выставлено в качестве собственно метафизической деятельности человека...» [3, с. 55].

На основании проведенного исследования, сопоставляя версии П. Адо и Ф. Ницше, касающиеся оснований культуры Античности, являющейся фундаментом европейской культуры, можно сформулировать следующие выводы.

1. У обоих авторов проявляется критическое отношение к *утилитарной рациональности*.

Однако существенное различие в оценке разумности человека как таковой не позволяет полностью отождествить позиции Ницше и Адо. Если у Ницше рациональность является чем-то искусственным, противостоящим самой сущности природы, то Пьер Адо настаивает на определенном единстве рационально-созерцательного и созерцательно-эстетического понимания природы. Для Ницше же такое понимание является неприемлемым, так как он четко противопоставляет *эстетическое* и *разумное*. Ницше предлагает принять трагичность бытия и оставить всякие попытки рационального переустройства мира с целью обеспечения человечеству спокойного существования.

2. Ф. Ницше и П. Адо весьма по-разному оценивают мифический образ Прометея. Если у Ницше Прометей — герой, который в своей попытке открыть людям тайны бытия, по собственной воле принимает трагическую судьбу, то у Адо образ Прометея предстает именно как попытка познания природы с целью властвовать над ней. Но, оба мыслителя соглашались в том, что античная мифология однозначно указывает на опасность подобных намерений и их противоестественность.

3. Весьма различно отмеченные авторы оценивают вклад Сократа в развитие античной мысли. Для Ницше Сократ знаменует собою начало упадка греческой культуры, тогда как Адо расценивает сократическую традицию в качестве созерцательно-рациональной попытки осмысления человеком самого себя. Сократ призывал совсем не к познанию природы, а к *заботе о собственной душе*.

4. Помимо уже отмеченного существенное различие в позициях Ф. Ницше и П. Адо состоит еще и в том, что для Ницше *человек* — часть природы и потому не должен каким-либо образом противостоять ей, а должен, наоборот, существовать в соответствии с самой жизнью. Французский философ же исходит из сократического представления о том, что человек является *особой формой бытия*, способной к мышлению и духовной жизни. Именно эта особенность человека и ставит сам вопрос о том, *как ему быть?* Для Ницше ответ прост — человек часть жизни, а потому должен существовать по ее законам — трагичности, страсти, инстинкта.

5. Осмысление оснований античной культуры у Ф. Ницше и П. Адо исходит из единого

представлення о противостоянні в культурі *естетического* и *рационального* начал и доминирования в последующей европейской культуре именно рационалистической традиции. Оба мыслителя считают такой подход противоположным самой сущности природы, которая «любит прятаться», а потому оправдывают художественное, эстетическое видение мира. Но, в то же время, принципиальным моментом, в котором Ницше и Адо расходятся, является общая оценка человеческого разума. Ницше — радикально негативно настроен к *разумности*, в то время как Пьер Адо именно созерцательную рациональность считает одной из адекватных форм человеческого отношения к природе (наряду с эстетическим, «орфеевским» пониманием).

Литература:

1. Адо, П. Покрывало Ізиди. Нарис історії ідеї про Природу / П'єр Адо; пер. з франц. О. Йосипенко. — К.: Новий Акрополь, 2016. — 470 с.
2. Михайлов, П.Б. Пьер Адо о философии природы, радости и ужасе бытия / П. Михайлов / Философия религии: альманах (2012— 2013). — М.: Восточная литература, ИФ РАН, 2013. — С. 471—483.
3. Ницше, Ф. Рождение трагедии или Эллинство и пессимизм / Фридрих Ницше / Фридрих Ницше. Рождение трагедии; составление, общая редакция, комментарий и вступительная статья А.А.Россиуса. — М.: Мысль, 1990. — С. 47—158.
4. Ницше, Ф. Сумерки идолов или как философствуют молотом. / Фридрих Ницше / Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. — М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2006. — С. 749 — 836.

Shymko A.S. On the two principles of ancient philosophy: the version of P. Hadot and F. Nietzsche — Article.

Summary. The article is an attempt to understand the concept of nature presented in Pierre Ado's works. The main attention is paid to P. Ado's method of disclosing essence of the two main principles in the European culture, i.e. «promethean» and «orpheus». Inception is revealed as scientific-technical and contemplative-aesthetic understanding of nature. To disclose the particularity of the problem. French thinker's concept is juxtaposed with the Nietzschean one about the «dionysian» and «apollonian» principles in Ancient culture. Comparison of F. Nietzschean and P. Ado's concepts originates from a single conception on the opposition of aesthetic and rational principles in culture and the predominance of rationalist tradition in the subsequent European culture. Both thinkers consider this approach to be opposite to the essence of nature. But, at the same time, the principal moment in which Nietzsche is radically negative towards the traditionally understood rationality to one of the adequate forms of human relation to nature.

Keywords: Pierre Hadot, Friedrich Nietzsche, nature, man, Orpheus, promethean, dionysian, apollonian, «spiritual exercises».

Шимко А.С. О двух засадах античної філософії: версії П. Адо і Ф. Ніцше — Стаття.

Анотація. Стаття являє собою спробу осмислення концепції природи, представлені у творчості П'єра Адо. Основна увага приділена способу розкриття П. Адо суті двох основних почав в європейській культурі — «прометеївську» і «орфеївську». Дані початку протистоять у Адо як науково-технічне і споглядально-естетичне розуміння природи. Для розкриття особливостей вирішення цієї проблеми П'єром Адо концепція французького мислителя зіставляється з ницшеанської концепцією про «діонісійського» і «аполлонічного» засадах в Античній культурі. Порівняння концепцій Ф. Ніцше і П. Адо виходить з єдиного уявлення про протистояння в культурі естетичного і раціонального почав і домінуванні в подальшій європейській культурі саме раціоналістичної традиції. Обидва мислителі вважають такий підхід протилежним самій сутності природи. Але, в той же час, принциповим моментом, в якому Ніцше і Адо розходяться, є загальна оцінка людського розуму. Ніцше — радикально негативно налаштований до традиційно розуміється розумності, в той час як П'єр Адо саме споглядальну раціональність вважає однією з адекватних форм людського ставлення до природи.

Ключові слова: П'єр Адо, Фрідріх Ніцше, природа, людина, «орфеївське», «Прометеївське», «дионісійське», «аполлонічне», «духовні вправи».